

В. И. Немирович-Данченко

ПОД ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Немирович-Данченко**
Под звон колоколов: Роман / В. И. Немирович-Данченко – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 160 с.

ISBN 978-5-517-99893-4

ISBN 978-5-517-99893-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

босая ножки и глядя котенка, потягивавшагося у нея на колѣняхъ.

— Да брось ты Маруську. Ишь, только и знаетъ, что жмурится. Ну, что ты тамъ видѣла?

— Будто я дописала картину, и мать Варлаама приказала ее повѣсить—куда-бы ты думала? Навѣрное не угадаешь!

— Ну, въ ризницу, что-ли? Въ ризницу-то слишкомъ лестно... Развѣ во снѣ—не доросла ты еще до этого.

— Нѣтъ, не въ ризницу, и не въ церковь... А ты подумай!

— Къ себѣ въ келлію? Только у нея въ келліи кромѣ митродолитовъ никого нѣтъ.

— И опять не угадала!—смѣялась внучка, показывая бѣлые и ровные зубы.

— Ну, ужъ и не зпю, куда еще. Не въ трапезную же... Въ школу развѣ?

— На колокольню!

— Къ грачамъ и воронамъ! Такъ. По картцѣ и честь. Самое настоящее тебѣ мѣсто. А что много вчера работала?

— Какъ же, мать Клеопатру всю дописала. Кажется, выходитъ у меня. Бабушка Капитолина хвалила; говорить—какъ живая. Только что не дышетъ...

Дѣвушка, наконецъ, отыскала ногами туфли, надѣла ихъ, и жмурясь, и зѣвая, пошла къ окну. Солнце всю ее охватило свѣтомъ, заиграло въ волнахъ ея свѣтлорусыхъ—свѣтлѣ лица—волосъ, беспорядочно нававшихъ на спину и на плечи. Ея румяныя большія губы безознательно улыбались чему-то творившемуся будто бы въ ней самой.

— Безпоряха ты, вотъ что!—недовольно смотрѣла на нее старушка.—Безпоряха была и есть. Ничему не научилась.

— За что ты это бранишься?

— Что ужъ!.. Какъ ужъ тебя и не бранить! Этакую

красу глупой предоставилъ Господь, а ты не бережешь... Лѣнь было на ночь заплести косы-то... Что у тебя отъ волосъ останется? Начнешь чесать и рвешь. Каждый разъ на гребнѣ добрая пригоршня ихъ. А все лѣнь, все лѣнь.

— Лѣнь! — засмѣялась внучка.—Тебѣ-же, бабушка, лучше, по крайности, есть, на что поворчать.

— Вотъ я матери Варлаамѣ расскажу про всѣ твои дѣла. Посмотримъ, какъ заступница твоя похвалитъ тебя за это. Сегодня ужъ я за тобой прибирала-прибирала. Краски въ одномъ мѣстѣ, бумага въ другомъ, кисти въ третьемъ. Платокъ подъ диваномъ въ сору. Это развѣ порядокъ? Что къ тебѣ горничныя поставлены, что-ли?

— Платокъ—это Маруська затащила.

И, схвативъ котенка на руки, она коснулась лица старушки его круглою головкой съ крошечными усиками.

— На, возьми ее... Это она все.

— Ладно. не юли... Обѣимъ вамъ одна цѣна у меня: что Маруськѣ, что тебѣ. По разуму-то равны.

А рука у самой такъ и тянется пощекотать котенка.

— Что, шельма, а? Сливки хочешь?

Притворявшаяся до сихъ поръ ко всему равнодушною, Маруська разомъ почувствовала, что это свыше ея силъ. При словѣ «сливки» она соскочила на полъ и побѣжала, задрвавъ хвостъ и оглядываясь, къ дверямъ.

— Ну, одѣвайся, да иди чай пить!—обернулась бабушка, уходя за котенкомъ.

Дѣвушка лѣниво подошла къ огню. Все за нимъ было такъ знакомо ей, такъ срослось съ ея жизнью. Иного міра, неоглядно въ даль и ширь раскидывавшагося за стѣнами монастыря — она не знала, не думала о немъ, какъ не думаетъ дикарь-островитянинъ: есть-ли еще живые люди за голубымъ просторомъ океана, охватившаго отовсюду клочекъ земли, на которомъ онъ родился и выросъ? Домикъ, гдѣ жила Вѣрочка, точно грибокъ, поднялся въ тѣни монастырскихъ стѣнъ. Его можно было еще

различить издали, когда солнце становилось высоко. Но раннимъ утромъ, когда оно затопляло свѣтомъ высокія стѣны, красныя башни, бѣлыя колокольни, золотые и голубые купола обители—его, пожалуй, и не разсмотрѣлъ бы никто, какъ ласточкино гнѣздо у чужой крозли. Когда солнце заходило за монастырь, и оцъ, съ соборомъ, церквями, зубцами стѣнъ, тонкими силуэтами колоколенъ, вырѣзывался темный на огнистомъ маревѣ заката, — въ густой тѣни, отбрасываемой этою твердыней, и совсѣмъ нельзя было замѣтить крошечнаго домика «Вѣрочьиной бабушки». Какъ домъ этотъ сливался съ громадою обители, такъ и все существованіе дѣвушки тонуло въ ней. Она родилась, болѣла, выздоравливала, играла, смѣялась и плакала, думала и училась, вставала и ложилась спать въ ея тѣни, подъ звонъ ея колоколовъ. Самой себѣ иногда казалась она одною изъ тѣхъ птицъ, что жили на колокольняхъ, въ бойницахъ стѣнъ, подъ карнизами башенъ, наполняя окрестную тишину стрелотомъ и чиликаньемъ и смолкая только, когда властно говорили колокола...

Но какъ ни жила Вѣрочка съ этою обителью, какъ ни привыкла видѣть ее то подъ чистымъ небомъ, вѣявшимъ благоговѣйною тишиною и кроткимъ миромъ, то подъ сѣдыми грозowymi тучами, отзывавшимися громами и молніями ударами ея колоколовъ,—всякій разъ, подходя къ окну, она съ невольною любовью, несознанной, но теплившейся въ ея душѣ, смотрѣла на эти древнія стѣны. Особенно теперь, когда весна дышала ей въ лицо такимъ чарующимъ ароматомъ.

«Откуда это?»—задумывалась она. «И жасминами, и розами... Вотъ и гіацинты слышны. Должно быть, у игуменьи!»

Въ тонкой струѣ этого благоуханія, нѣтъ-нѣтъ, да и пахнетъ свѣжими, только что развернувшимися березовыми почками. Листва еще мелка. Въ ней такъ ясно сквозятъ бѣлые стволы. Тонкія вѣтки чуть подернулись ей. Кажется, эти крохотные листочки просыпались откуда-то сверху, съ неба, и до перваго порыва вѣтра уцѣ-

пились за деревья. Солнце въ нихъ играетъ золотистыми отсвѣтами, и трепещуть подъ нимъ березки первою веселою дрожью обновившейся жизни. Ласково, мягко и нѣжно шумятъ онѣ; когда вокругъ сколышется теплый воздухъ. Это не лѣтняя мощь, не осенній сухой шелестъ мертвяющаго листа—это дѣтскій лепетъ, радостный лепетъ зелени, только что родившейся изъ своихъ темно-красныхъ почекъ... А какъ красивы древнія стѣны за свозными березами, старыя почтенныя стѣны, въ щеляхъ и трещинахъ которыхъ поднялось всякое быліе, а между зубцами распустились цѣлыя деревца отъ сѣмянъ, когда-то занесенныхъ вѣтромъ!..

Темная арка воротъ съ золотымъ крестомъ вверху. Вѣра знаетъ, что сидитъ теперь и дремлетъ тамъ мать Степанида, что она и сегодня ласково улыбнется дѣвухкѣ и спроситъ ее, какъ спрашивала вчера, третьяго дня, годъ, десять лѣтъ назадъ.

— Ну, что, все прыгаешь, стрекоза? Прыгай, прыгай, Господь съ тобой!

И при этомъ вздохнётъ, помянетъ про какое-то «искушение» и опять задремлетъ.

Пять большихъ куполовъ соборнаго храма. Подъ его высокими сводами гулко звучатъ голоса, свѣжіе и чистые! И какіе это купола! Есть-ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ такіе? Какъ они красивы сегодня! Темносиніе со звѣздами и посреди ихъ, выше всѣхъ — главный, золотой, какъ пламя, горящій подъ солнцемъ. Тонкіе сквозные кресты на нихъ. Съ крестовъ висятъ на золотыхъ цѣпяхъ золотые шары. Ребенкомъ она вѣрила, что это яйца чудесныхъ райскихъ птицъ; каждое Свѣтлое Христово Воскресенье птенцы проклевываютъ серебряными носиками золотую скорлупу—и съ первымъ ударомъ колокола, красныя, какъ огонь, вылетаютъ отсюда во всѣ концы міра—сообщая всѣмъ: и звѣрю дикому, и пернатому хищнику-соколу, и ласточкѣ кроткой, и сѣрому воробью одну великую вѣсть: «Христосъ Воскресъ...» И тотчасъ-же невѣдомые ангелы сходятъ съ небесъ и, вмѣсто старыхъ,

проклеванныхъ, вѣшаютъ новыя яйца съ чудесными птицами. Качаетъ и баюкаетъ ихъ вѣтеръ, цѣлый годъ кропитъ ихъ дождь, сушитъ и грѣетъ солнце, будятъ по утрамъ гулкiе колокола монастырскiе...

Зеленыя вровли подъ куполами. По краямъ ихъ на теплѣ усѣлись голуби. Сорвется одинъ, почертитъ-почертитъ въ воздухѣ, залетитъ въ какую-нибудь бойницу и опять назадъ. Вонъ церковь Варвары Великомученицы,—ея пеструю колоколенку грачи любятъ. Гнѣзда ихъ дальше въ рошѣ, что зеленымъ облакомъ заполонила лощину. Черными шапками торчатъ они тамъ на верхушкахъ. Днемъ—грачи здѣсь, и когда рослая, рябая и корявая, сильная мать Митрофанiя раскачиваетъ тяжелый и ржавый языкъ толстаго стараго колокола, чтобы сильнѣе ударить имъ въ звонко гремящiй металлъ—пернатые посѣтители «Варваринской вышки» даже съ мѣста не трогаются, зная, что ихъ здѣсь никто не обидитъ. Какъ только подходитъ весна—грачи первые слетаются сюда—слушать молча, какъ заговоритъ и потомъ замретъ бронзовая пасть, а потомъ они загомонятъ и завозятся между красными и синими витыми колонками, въ просвѣтахъ и подъ выбѣленными сводами «вышки», гдѣ перекрестились потрескавшiяся балки, поддерживая тѣло стараго колокола. А вонъ главная монастырская колокольня,—она точно пронизала синеву неба. Сквозная! Амбразура противъ амбразуры приходится, въ нихъ лазурь видна, точно синiя стекла вставлены. Внизу самый громаднiй колоколъ виситъ. Вѣра помнить, какъ въ дѣтствѣ ей страшно было за мать Агнiю, живущую подъ колоколомъ въ крохотной келлiйкѣ. А вдругъ онъ сорвется, пробьетъ потолокъ ея и, рухнувъ, придавитъ ее къ землѣ своимъ тяжелымъ бронзовымъ тѣломъ. Въ него звонятъ рѣдко, только въ великiе праздники,—когда всѣ должны или радоваться, или печалиться: когда птица—и та чувствуетъ. Сказывала ей Агнiя, что, услышавъ его тягучiй ударъ подъ землей, — всѣ инокини, схороненныя на монастырскомъ кладбищѣ, гдѣ такъ густа трава, и такъ хорошо пахнетъ

шиповникъ, начинаютъ подъ своими насыпями тихо шептать молитвы. Если прилечь въ это время да приложить ухо къ землѣ—то можно разслышать глубоко-глубоко не только гудѣніе безчисленныхъ устъ, но и шорохъ: подымаются въ гробахъ костлявыя руки и осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ истлѣвшія лица. Замереть главный колоколъ—и опять заснуть до слѣдующаго великаго праздника схороненныя инокини — черныя, въ черныхъ гробахъ подъ землею...

— Ну, что же ты, скоро?—показалась въ дверяхъ бабушка.—Да ты еще, срамница, и не одѣта! Ай, да, ну! Все въ своей рубашонкѣ стоитъ! Что ты, Вѣрка? Думаешь, самоваръ долго для тебя кипѣть будетъ — и не воображай. Позову Устинью и велю ей унести.

— Я сейчасъ, сейчасъ!

И, бросивъ на монастырь послѣдній взглядъ, Вѣра пошла умываться.

— То-то сейчасъ. Вѣдь ужъ, кажется, большая. Восемнадцатый годокъ пошелъ—безстыдница этакая.

— Ужъ и большая! Въ обители «бабушки» меня за младенца считаютъ.

— Избаловали онѣ тебя. По уму-то ты, милая—младенецъ. Ты думаешь—картины рисуешь, такъ и хорошо,—нѣтъ, погоди. — Далеко еще воробью до сороки бѣлобокой!.. Ну, скорѣй, скорѣй! Нечего полоскаться-то. Рада, что до воды добралась. Утка настоящая. Вонъ, должно быть, отъ матери Капитолины бѣличка бѣжитъ къ тебѣ. Взглянь-ко, мнѣ не разсмотрѣть.

— Да, это Маша и есть.

— Ишь! А ты бы спала до сихъ поръ.

У крыльца хлопнула дверь. Въ комнатахъ послышались быстрые шаги.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!—пѣвучимъ голосомъ сказался кто-то за дверью.

— Мама — ты?.. Входи скорѣе... Чего ты въ эту рань?

— Спаси васъ Богъ, матушка!..—поклонилась та ста-

рушкѣ.—Христось съ тобою, Вѣра... Къ тебѣ я отъ матушки Капитолины. Спосылала скорѣй. Сейчасъ чай будетъ пить—отъ обѣдни пришла, такъ звала безпремѣнно. Пусть, говоритъ, придетъ, мы новую банку крыжовнику начинаемъ. Опять же просфоры сегодня удались нашей старицѣ скусныя-скусныя.

— Да ты отдохни, Маша,—смѣялась Вѣрочка.—Ишь, какъ заторопилась вся. Даже духъ захватило.

— И впрямь, умница ты моя... Я вѣдь, сломя голову, бѣжала. Мать Степанида въ воротахъ-то кричитъ мнѣ: «охъ, искушенію, что за тобою бѣсовская сила гонится?» Ей-то, вишь, досадно. Она нынче и ходитъ-то валко... Едва-едва...

— Старая ужь...

— Какъ-же! Еще когда моя матушка поступила въ обитель—Степанида ужь сидѣла подъ воротами-то и сѣдала была...

II.

Вѣра живо собралась; бѣличка не ждала ее — и дѣвуха пошла одна.

Теперь она по наружному виду была похожа на монахиню. На ней черное люстриновое платье, плотно обтянутое въ талии широкимъ кожанымъ поясомъ. На голову она набросила черный платокъ, скрывавшій ея чудесные волосы. Одни глаза только смѣялись и лучились совѣмъ не по-монашески; дышали жизнію и манили къ жизни. Впрочемъ, у воротъ обители она низко опустила длинныя рѣсницы и, проходя, поклонилась сидѣвшей сѣдой и сгорбленной монахинѣ.

— Здравствуй, бабушка Степанида!

— Ну, что, все прыгаешь, стрекоза? Здравствуй, здравствуй. Что поздно такъ сегодня?

— Заспалась, бабушка.

— Ишь, грѣхи-то какіе! Поди, и лба себѣ не перекрестила? Ахъ, ты мірская грѣховодница. Подлинно —

искушеніе съ тобой, ну, иди. Мать Капитолина стосковалась, спосылала за тобой. А потомъ и меня старую навѣсти — не забывай. Все съ тобой точно и сама-то помолодѣешь.

Вѣра изъ-подъ воротъ вошла въ большой монастырскій дворъ.

Боже мой, какъ здѣсь все ей было знакомо! Какой крошкой казалась она самой себѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, играя подъ величавыми стѣнами, и на какую громадную высоту выростали тогда надъ нею колокольни, соборы и башни! Теперь она выросла, и онѣ точно немножко понизились, но всетаки, проходя мимо нихъ, она чувствовала себя опять такой же маленькою, какъ и въ тѣ времена. Мать у нея давно умерла. Она была монахиней—и Вѣрочка ее не помнить. Строгий черный силуэтъ ея сливается въ далекомъ прошломъ съ другими такими же. Бабушка, воспитавшая ее, поселилась у обители, гдѣ спасалась ее дочь. Когда умерла эта, старухѣ уже казалось невозможнымъ уйти отсюда, перебраться въ городъ, отъ котораго верстъ за двадцать стоялъ монастырь. Къ ней пріѣзжали иногда родные, убѣждая отдать имъ дѣвочку. По ихъ словамъ, Вѣру надо было воспитать и образовать, но всякій разъ, какъ старушка колебалась и начинала сдаваться на эти доводы—внучка ее или убѣгала въ монастырь и пряталась тамъ у монахинь, повѣряя имъ свое дѣтское горе, или благимъ матомъ кричала, топая ноженками: «не хочу въ городъ, хочу къ *бабушкамъ*». Она ихъ всѣхъ искренно считала *бабушками*. Такъ ихъ и называла, различая только по именамъ; у нея была бабушка Антонида, бабушка Гликерія, бабушка Стефанида. Въ свою очередь и старушки, привязавшіяся къ ребенку, звали ее внучкою. Скоро такимъ образомъ Вѣрочка слѣдалась внучкою цѣлаго монастыря. Каждая изъ монахинь, будучи еще въ міру, или имѣла дѣтей и утратила ихъ, или страстно желала имѣть ихъ. Теперь, воскресавшіе въ нихъ материнскіе инстинкты неволью сказывались по отношенію къ общей

любимицѣ. Понятно, что она и росла «вселенскою баловницей», какъ называлъ ее старикъ-священникъ, являвшійся сюда для совершенія требъ. Ей припрятавали лучшіе кусочки, вязали чулки, шили бѣлье, платья... Такъ бы, благодаря общей любви къ ней, и выросла она безграмотною, или бы старушка, настоящая бабушка, взялась наконецъ за умъ и скрѣпя сердце отвезла ее въ городъ учиться, если бы между монахинями не находилось нѣсколькихъ «бабушекъ» пообразоваише. Онѣ кончили въ свое время въ институтахъ, знали языки и обрадовались случаю позабыть однообразіе монастыря, занимаясь съ пустою дѣвочкой. Только девяти лѣтъ Вѣрочка выучилась читать и, какъ это бываетъ почти всегда, когда начинаютъ поздно—ея способности развернулись вдругъ и поразили всѣхъ окружавшихъ. Дѣвочка схватывала всякія знанія съ жадностью галчонка въ гнѣздѣ, котораго сколько мать ни корми, а у него всегда клювъ раскрытъ широко. Ученныя «бабушки», занявшіяся съ Вѣрочкой, потомъ и сами были не рады. Разъ пробужденная ими любознательность не засыпала никогда въ дѣвочкѣ. Она приставала къ нимъ съ вопросами, требовала обстоятельныхъ объясненій, не удовлетворялась назначеннымъ для уроковъ временемъ, хотѣла, чтобы ей цѣлые дни читали что-нибудь вслухъ. Скоро монахинямъ пришлось чуть не выписывать книги и самимъ учиться, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить эту ненасытную жажду знанія въ Вѣрочкѣ. Память у нея была удивительная. Монахини обратились было къ священнику, чтобы тотъ помогъ имъ, но старикъ, хотя въ свое время и кончившій курсъ въ академіи, скоро отказался отъ непосильнаго труда.

— Эта курочка клевала да клевала у васъ по зернышку да такъ навлевалась, что теперь и мнѣ передъ нею стыдно.

— Ужъ такая-ли прилежная,—восхищалась мать Варлаама,—просто удивительно!

— Истинно: «тицаніежъ не лѣнива, духомъ горяща, Господови работающа». Хорои ихъ книгъ ей надо, вотъ что.

И священникъ торопился уйти отъ разспросовъ, привидившихъ его въ затрудненіе.

Инокіи обратились за книгами въ городъ, къ «благодѣтельницамъ»; благодѣтельницацы послали имъ короба всякаго хламу. Простодушнымъ матерямъ некогда было разсматривать эту премудрость, онѣ предоставили самой Вѣрочкѣ распутываться съ нею, какъ знаетъ. Дѣвочка обрадовалась, перетащила, мало-по-малу, книги къ себѣ на чердакъ и занялась чтеніемъ, безъ толку и безъ разбору, глотая и путешествія, и романы, и историческія сочиненія, и часто изъ одного упрямства одолѣвая такія, въ которыхъ ей все было непонятно. Зато же и надоѣдала она потомъ «бабушкамъ» съ вопросами.

— Бабушка Гликерія, что значитъ это?

И она читала ей выдержку изъ какого-нибудь мудреного «Ключа къ тайнствамъ природы» или «Сокровища мудраго каменщика, стремящагося къ совершенству».

Бабушка выслушивала, хмурилась, задумывалась.

— Да, ну же, бабушка!—приставала нетерпѣливая Вѣрочка.

— А ты варенья не хочешь? У меня есть вишневое, да какое—съ косточками.

Но этотъ дипломатическій маневръ не удавался. Вѣрочка упиралась пальчикомъ въ книгу и требовала объясненій. Бабушка Гликерія пробовала было пуститься въ умствованія и тотчасъ же запутывалась и начинала сердиться.

— Иди, иди, Вѣрка негодная... Иди!.. Ишь, вздумала больного да сырого человѣка тревожить. Нечего грѣшиться... Ступай, ступай,—я на молитву стану.

Вѣрка, съ раскрытой на той же страницѣ книгой, бѣжала къ другой бабушкѣ, тамъ пробовали было ее улестить пряниками, и когда это средство не дѣйствовало, брали ее за плечи и выводили за двери; дѣвочка—къ третьей, четвертой, пятой, но у всѣхъ бабушекъ ни отвѣта, ни указаній для нея въ наличности не было. Случалось какой нибудь сердитой монахинѣ, вмѣсто от-